

А.П. Окладников, А.П. Деревянко

Археология Северной и Центральной Азии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 902
ББК 63.4
А11

А11 **А.П. Окладников**
Археология Северной и Центральной Азии / А.П. Окладников, А.П. Дервянко – М.: Книга по Требованию, 2024. – 230 с.

ISBN 978-5-458-40167-8

ISBN 978-5-458-40167-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ходили сложные события, находившие нередко отзвуки далеко за пределами этих областей — сибирской тайги, тундры, степей. И нужно сказать, что С. В. Киселев не случайно и не напрасно выбрал в начале своей исследовательской деятельности именно Южную Сибирь, ту область, где и начиналась во времена Миллера и Гмелина сибирская археология как наука.

Это был в первую очередь замечательный и прекрасный Минусинский край, «Сибирская Швейцария», как писали в газетах, — на самом деле, край со своими Саянами и плодородными долинами несравненно более прекрасный, чем Альпы и Женевское озеро. Не случайно и то, что С. В. Киселев на первых порах ограничил свои исследовательские изыскания в области археологии эпохой металла, прежде всего эпохой раннего металла — меди и бронзы, а также раннего средневековья, кыргызским временем.

О том, что могло ожидать впереди молодого исследователя, свидетельствовали открытия предшествующих поколений, а также работы таких крупных археологов, как С. И. Руденко и С. А. Теплоухов.

С. А. Теплоухов дал периодизацию древних памятников и культур Минусинской котловины: его схема до сих пор служит четким ориентиром для всех дальнейших исследований. Но следующий, чисто исторический, шаг в освоении того обширного документального материала, который был положен в ее основу, сделан был С. В. Киселевым. Он делает этот шаг в результате целой серии археологических раскопок и тщательного источниковедческого анализа накопленных ранее музеями коллекций, в ходе критической оценки прежних построений. С. В. Киселев на протяжении ряда лет осуществляет систематические археологические исследования на территории Минусинского края. Он охватывает своими работами также и Алтай. Так становится возможным дать подлинно историческую картину сложного и богатого событиями исторического прошлого Южной Сибири. Первым опытом в этом направлении, первой такой попыткой явились статьи: «Тагарская культура» в трудах секции археологии РАНИОНа (М., 1928), «Разложение рода и феодализм на Енисее» (Известия ГАИМК. Л., 1933), а также статья «Семантика орнамента карасукских стел» (в кн.: Из истории докапиталистических формаций. М. — Л., 1933, изданной в честь 75-летия акад. Н. Я. Марра).

Эти работы, особенно две последние, посвящены социологическому анализу. Автор уже тогда поставил своей задачей использовать археологические памятники, оставленные древним населением Минусинского края, как свидетельства о развитии производительных сил и социальных отношений, а также духовной культуры.

Обобщающая монография по древней истории Южной Сибири, вышедшая двумя изданиями, — итог долголетних трудов С. В. Киселева в этом направлении. Она стала его докторской диссертацией и была удостоена Государственной премии СССР. Пожалуй, самую развернутую характеристику этой работы дал наш виднейший историк С. В. Бахрушин, высоко ценивший археологические факты и исследования как составную часть исторической науки. С. В. Бахрушин писал об этой работе: «Среди советских археологов, работающих над сибирскими проблемами, видное место принадлежит С. Киселеву. Профессор С. Киселев на основании многочисленных археологических изысканий и сопоставления археологических материалов с письменными источниками впервые дал последовательную историю Сибири от неолита до X века нашей эры.

В течение своей двадцатилетней археологической деятельности С. Киселев не только «удвоил», по отзыву специалистов, количество предметов южносибирских древностей, не только датировал путем очень тонких сопоставлений эти предметы, но и создал на основании детального изучения археологических данных стройную научную концепцию общественного развития народов Южной Сибири.

Не отрицая некоторой роли миграций в истории Южной Сибири, он доказал, что местная культура развивалась самостоятельно, самобытно. Этот важный вывод убедительно обоснован исследователем на самом скрупулезном анализе собранного им громадного археологического материала.

Исследование С. Киселева разрушает тенденциозную буржуазную легенду о вековой отсталости сибирских народов и неспособности их преодолеть эту отсталость. Перед нами проходит последовательная смена социально-экономических формаций, возникновение варварских государств, рост самобытной культуры, развитие на местных основах искусства, достигающего в произведениях скифо-сарматских мастеров и в шедеврах кыргызских ювелиров большой высоты и блеска. Все это, говоря словами самого автора, «сильно изменяет представление о характере исторического процесса в Центральной Азии, рисовавшегося еще недавно в виде стихийного потока все новых племен и народов, на время становившихся вершителями судеб Среднего Востока».

Исследование С. Киселева разрушает и другую буржуазную легенду об оторванности Южной Сибири от мировых культурных центров, показывая связи ее с Восточной Европой и с Китаем.

Через всю книгу проходит, в частности, мысль о тесной связи культуры Южной Сибири с культурами Восточной Европы.

Подведем итоги. Перед нами не просто археологическое обследование обширного района Южной Сибири. Из детальных, порой кажущихся мелочными, сопоставлений и группировок археологических находок, из сравнения их с аналогичными памятниками соседних стран возникает широкое полотно до сих пор неведомой истории Южной Сибири. Это большое достижение советской археологии, базирующейся на строго научных марксистских методах работы. Аналогичные исследования ведутся сейчас советскими археологами и в других областях Сибири. Вслед за монографией С. Киселева вышла монография А. Окладникова, посвященная древней истории приленского и прибайкальского населения. Известность получили работы С. Руденко о берингоморской культуре, открывающие новую страницу в истории далекого Северо-Востока Сибири. „История страны невеселой“ перестает на наших глазах быть неразрешимой и темной загадкой. Труды С. Киселева и его товарищей вскрывают слои сибирской культуры, в течение ряда веков складывавшейся в Северной Азии, и прослеживают происходившие в жизни сибирских народов исторические процессы».

Столь широкие исследования ранней истории Южной Сибири, естественно, привели С. В. Киселева к решению более обширного круга проблем, связанных с историей народов Центральной Азии и Китая. Он ведет полевые археологические работы за Байкалом, в просторной Кондуйской степи, где копает остатки княжеской ставки и могильника аристократического рода монголов. Возглавляет двухлетние экспедиционные работы в Монголии, первые после знаменитых раскопок П. К. Козлова в горах Ноин-ула.

Важнейшим вкладом в историю средневековой Центральной Азии явились, в частности, широкие по масштабам раскопки столицы монгольских ханов — знаменитого Каракорума на р. Орхон, где позднее возник крупнейший буддийский монастырь Эрдэни-Дзу. Итоги этих раскопок изложены в большом сборнике, посвященном древнемонгольским городам.

Мне особенно приятно вспомнить в этой связи и свое участие в Советско-Монгольской археологической экспедиции в 1949 г., наши встречи с С. В. Киселевым как начальником этой большой комплексной экспедиции на берегу Орхона в древнем Эрдэни-Дзу, напротив и вблизи которого тогда нами были открыты первые палеолитические памятники, в том числе замечательное многослойное поселение Мольтын-Ам. Встретившись с С. В. Киселевым на западе от Улан-Батора, на раскопках Ка-

ракорума, мы продолжили тогда наши маршруты на восток — до Халхин-Гола и Буйир-Нура, а также на юг — к Гобийскому Алтаю. Эти первые маршруты по территории Монгольской Народной Республики дали уже тогда ценнейшие данные по каменному веку МНР и, прежде всего, впервые позволили констатировать обилие палеолитических остатков в Центральной Азии, чего не могли сделать предшествующие экспедиции, в том числе широко известная американская Центральноазиатская экспедиция под начальством Р. Ч. Эндрюса.

Эти работы по каменному веку, по палеолиту и неолиту Монголии не случайно были начаты именно по инициативе С. В. Киселева. Как историк широкого профиля, стремившийся охватить исторический процесс в целом, он наряду с исследованиями памятников эпохи металла не менее важными считал и работы, направленные на более древние эпохи. С. В. Киселев считал, что только так, только в общей исторической связи и последовательности можно понять закономерности исторических событий.

С. В. Киселев возглавляет также и Саяно-Алтайскую археологическую экспедицию в Туве. И снова, как после работ на Алтае и в Минусинской котловине, на богатом документальном материале он развертывает широкие, по характеру исторические построения. На этих материалах основываются все последующие исследования.

Настоящий сборник, посвященный памяти С. В. Киселева, издается в Сибири, в той области нашей страны, далекому прошлому народов которой, ее древнейшим культурам С. В. Киселев посвятил всю свою жизнь. Он внес большой вклад в историю Сибири, его труды и в наши дни сохраняют свою ценность и актуальность. Публикуемые в сборнике статьи, принадлежащие историкам и археологам-сибироведам разных поколений, работы, которые так или иначе связаны с тематикой исследований С. В. Киселева, продолжают и развивают их основные положения, являются выражением чувства признательности к вкладу С. В. Киселева в нашу науку, в изучение ранней истории сибирских народов.

* *
*

Когда настоящий сборник уже был набран, из Москвы пришла печальная весть: скончалась Лидия Алексеевна Евтюхова, верный спутник и соратник Сергея Владимировича Киселева.

Из жизни ушел большой человек и ученый. Но ушел не бесследно, то, что было сделано ею в археологии Сибири, составляет часть нашего «алмазного фонда». И не менее глубокий след оставила Лидия Алексеевна в сердцах тех людей, кто имел счастье быть с ней в поле, дома и на работе.

Сборник наш, посвященный С. В. Киселеву, стал фактически сборником памяти их обоих. И о них обоих можно сказать словами поэта:

Тому, кто жребий довершил,
Потеря жизни не утрата.
Без страха мир покинет он...

В е н е в и т и н о в. Избранное. М., 1956, с. 88.

Академик А. П. Окладников

ПА М Я Т И
ЛИДИИ АЛЕКСЕЕВНЫ ЕВТЮХОВОЙ

31 июля 1974 г. внезапно оборвалась жизнь Лидии Алексеевны Евтюховой — замечательного человека, широко известного исследователя археологических памятников Сибири и Центральной Азии, заведующего Отделом полевых исследований Института археологии АН СССР.

Л. А. Евтюхова родилась 31 августа 1903 г. в Ленинграде в семье инженера. Детство провела в г. Ростове-Ярославском. Здесь в шестнадцать лет, учась в школе, она начинает трудовой путь секретарем-машинисткой в педагогическом техникуме, а затем научным сотрудником Ростовского краеведческого музея.

Возможно, что замечательные исторические памятники древнего города способствовали формированию ее как историка. Л. А. Евтюхова поступает в Ростовское отделение Московского Археологического института, из которого в 1922 г. переводится на факультет общественных наук Московского университета. Здесь она слушает лекции профессора В. А. Городцова, проходит под его руководством археологическую практику, участвуя в раскопках Панфиловской стоянки, Старо-Каширского городища, Старой Рязани, Галичской стоянки, Вятских курганов. В 1924 г. произвела первые самостоятельные раскопки 10 славянских курганов близ с. Иславского под Звенигородом.

В 1924 г. Л. А. Евтюхова производила также раскопки Барвихинского, Прислонского, Старо-Ямского городищ в Московской области, Юрьевецкого городища в Горьковской области и курганов близ г. Плеса.

В 1925 г., по окончании университета, она была принята на работу в Государственный исторический музей, где провела огромную работу по учету и систематизации накопленных в дореволюционный период материалов, а также в деле перестройки экспозиции по археологии Сибири.

С 1930 г. Лидия Алексеевна начинает работу в Южной Сибири совместно с С. В. Киселевым. Она была не только постоянной помощницей Сергея Владимировича, но и вела большие самостоятельные исследования. В период работы в Хакасии и на Алтае у нее четко определились научные интересы, связанные с разработкой проблем, освещающих средневековую историю народов Центральной Азии.

Исключительны по своему значению материалы из раскопок Копенского чаа-таса. В огромных каменных курганах кыргызской (древнехакасской) знати на Копенском чаа-тасе были найдены золотая и серебряная посуда с древнетюркскими надписями и ювелирные украшения конского убора художественной работы местных мастеров, создавших на основе более древних местных традиций и образцов искусства соседних цивилизаций свое искусство. Эти находки по-новому осветили многие ранее неизвестные стороны древнехакасского общества.

Также большое значение имеют и раскопки пока единственного из известных кыргызского поселения у с. Малые Копены (1940 г.)¹.

Накануне войны начались под руководством Л. А. Евтюховой раскопки замечательного дворца гуннского наместника около колхоза «Сила» близ Абакана, которые были продолжены уже после войны, в 1945—1946 гг.²

Во время Великой Отечественной войны, в 1942 г., Л. А. Евтюхова была руководителем Комиссии по обследованию и составлению акта о разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками в г. Истре и Ново-Иерусалимском монастыре, а также принимала участие в работах Комиссии по учету разрушений в Дмитрове, Яхроме, Звенигороде.

Л. А. Евтюхова награждена медалями «За оборону Москвы», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а в 1953 г. — орденом Трудового Красного Знамени.

¹ Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-тас у с. Копены. — «Тр. ГИМ», 1940, вып. XI; Евтюхова Л. А. Кыргызское поселение у с. М. Копены. — «КСИИМК», 1947, вып. XII.

² Евтюхова Л. А. Развалины дворца в «Земле Хятас». — «КСИИМК», 1947, вып. XXI.

В 1946 г. Л. А. Евтюхова успешно защитила кандидатскую диссертацию, материалы которой были изданы в 1948 г. отдельной книгой: «Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов)». Выделив круг памятников енисейских кыргызов и опираясь главным образом на материалы своих раскопок, Лидия Алексеевна выявила важнейшие особенности хозяйства, быта и культуры древних предков современных хакасов.

Во время поездок по Алтаю, Хакасии, Туве и Монголии Л. А. Евтюхова собрала большое количество зарисовок и фотографий «каменных баб» — монументальных скульптур тюркского времени, представляющих собою мужчин воинов в определенной позе, обычно с сосудом в руках. У многих изваяний тщательно проработаны прическа, детали костюма, оружие, сосуд. В 1953 г. Л. А. Евтюхова опубликовала работу «Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии», применив оригинальный метод исследования этих памятников, заключающийся в тщательном анализе отдельных деталей путем сопоставления их в особых таблицах³. Подвергнув сравнительному изучению изображенные предметы, она выявила непосредственную связь между ними и инвентарем древнетюркских погребений той же эпохи, а также сделала интересные выводы о расселении тюркских племен. Методика историко-археологического анализа, впервые разработанная Л. А. Евтюховой, была в последствии с успехом применена рядом исследователей каменных изваяний не только азиатской, но и европейской части нашей страны; в частности, этот метод блестяще оправдал себя в исследованиях С. А. Плетневой.

С 1946 г. Л. А. Евтюхова — старший научный сотрудник сектора первобытной археологии ИИМК АН СССР (ныне Институт археологии). До 1950 г. свою основную работу в Институте Лидия Алексеевна совмещала с работой в ГИМе.

С 1948 г. в качестве начальника отряда и заместителя начальника экспедиции Л. А. Евтюхова работала в составе Монгольской археологической экспедиции ИА АН СССР и Комитета Наук МНР, проводимой под руководством С. В. Киселева на территории МНР и Забайкалья. Исследования экспедиции были направлены на разрешение проблемы древнемонгольского города XIII—XIV вв. на территории Центральной Азии. Результаты этих работ изложены в коллективной монографии «Древнемонгольские города». Л. А. Евтюхова выполняла обязанности главного редактора этой книги. В 1965 г. монография вышла в свет и получила премию Президиума АН СССР.

В монографии «Древнемонгольские города» Л. А. Евтюховой написаны разделы: Фрески Каракорума; Монеты Каракорума; Керамика Каракорума; Изделия различных ремесел Каракорума. По материалам раскопок курганов в окрестностях Каракорума в журнале «Советская археология» ею опубликована статья «О племенах Центральной Монголии».

В 1963—1964 гг. Л. А. Евтюхова подготовила к передаче и передала на постоянное хранение в отдел Востока Государственного Эрмитажа коллекции из раскопок Монгольской экспедиции АН СССР. При ее консультациях на этих материалах в настоящее время в Эрмитаже открыт новый зал, посвященный столице древней Монголии Каракоруму, Кондуйскому дворцу и Хирхиринскому городищу в Забайкалье.

Список научных трудов Л. А. Евтюховой насчитывает свыше 50 работ.

Сорокалетний опыт исследования памятников всех видов, широкая эрудиция, исключительная наблюдательность, требовательность к себе выдвинули Лидию Алексеевну в ряды ведущих специалистов в области методики полевых исследований. С 1953 г. она работала ученым секретарем, а с 1966 г. заведующей Отделом полевых исследований, где под ее руководством осуществлялся контроль над полевыми исследованиями на территории РСФСР.

Повышению методического уровня работ многих специалистов, получающих открытые листы в ОПИ, способствовали указания, консультации и рекомендации, даваемые Л. А. Евтюховой. Она лично просматривала все отчеты (а в последнее время их ежегодно поступало более 300), вносила поправки, дополнения, рекомендации в отзывы рецензентов. В последние годы жизни Л. А. Евтюхова раскопок не производила, однако как руководитель ОПИ она совершала поездки по местам раскопок. Так, в 1971 г. для ознакомления на месте с методикой исследования сложных памятников Л. А. Евтюхова выезжала в Новгород и Старую Руссу на раскопки древних городов. В том же году по приглашению Тувинского НИИ языка, литературы, истории она побывала на раскопках кургана Аржан, где экспедиция под руководством М. П. Грязнова исследовала уникальное погребальное сооружение очень сложной конструкции.

Л. А. Евтюхова много внимания уделяла также мероприятиям, связанным с охраной памятников древности, она постоянно участвовала в работах археологической секции Центрального совета ВООПИК и в консультациях Министерств культуры РСФСР и СССР.

Л. А. Евтюхова руководила также работой архива Института.

Большое место в деятельности Лидии Алексеевны занимало сотрудничество в журнале «Советская археология». С 1956 по 1964 г. она член редколлегии журнала и по 1971 г. — заведующая разделом публикаций.

³ Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. — «МИА», М., 1952, вып. 24.

Многолетний опыт и широкая эрудиция позволили Л. А. Евтюховой вести большую организационную работу в области пропаганды археологической науки в нашей стране и за рубежом.

Она была постоянным председателем выставочной комиссии Института археологии и членом Научного совета по выставкам Академии наук СССР и союзных республик при Президиуме АН СССР.

С 1951 г. Лидия Алексеевна ежегодно возглавляла организацию выставок к экспедиционным пленумам Института археологии.

На международных выставках в Нью-Йорке, Париже, Лондоне демонстрировались созданные ею разделы, освещающие достижения советской археологической науки. Большим успехом в Голландии, ФРГ, Швейцарии и Италии пользовалась подготовленная при участии Л. А. Евтюховой выставка «Археология в СССР». В 1967 г. под ее руководством была организована юбилейная выставка «Советская археология за 50 лет».

Трудно сказать, какая сторона многогранной деятельности Лидии Алексеевны была наиболее яркой.

Вдумчивый, скрупулезный, глубокоаналитический труд ученого-теоретика органически сочетался с совершенным мастерством талантливого исследователя-практика.

Четкая, спокойно-ритмичная работа бессменного организатора выставок, сложная роль «высшего судьи» — в качестве заведующей отделом полевых исследований (контролирующим органом Института) — все, что делала Лидия Алексеевна, отличалось высоким профессионализмом, какой-то особой основательностью, было освещено умной добротой этого удивительно обаятельного человека.

Все, кому посчастливилось работать в экспедициях рядом с Лидией Алексеевной, проходили прекрасную школу полевой методики.

Обладая не только огромным опытом, широким кругозором, острой наблюдательностью, но и тонкой интуицией, особым «чувством памятника», присущим одаренному археологу, Лидия Алексеевна умела блестяще вскрыть, «прочитать» археологический объект любой сложности.

Может служить образцом тщательнейшая документация раскопанных ею памятников. Будучи художником, графиком, прекрасным фотографом Лидия Алексеевна, как правило, сама выполняла все эти работы. В частности, ею составлены планы таких сложных конструкций, как Большой Салбыкский курган, Кондуйский дворцовый комплекс и т. д.

Большую часть иллюстраций к публикациям Сергея Владимировича и своим собственным Лидия Алексеевна также выполняла сама.

В трудных экспедиционных условиях (в монгольских, забайкальских, южно-сибирских степях) она была поистине незаменима — тут особенно раскрывалась красота этой сильной мужественной русской женщины, которой по плечу была любая работа: сложить ли профессионально печь, заменить экспедиционного шофера, починить вышедший из строя инструмент или соорудить простое и остроумное устройство, позволявшее не прерывать из-за непогоды расчистку могильника.

Удивительную гармонию составляли, казалось бы, совершенно противоположные по характеру шумный, темпераментный Сергей Владимирович и сдержанно-спокойная, неторопливая Лидия Алексеевна. В их экспедициях всегда царила та жизнерадостно-деятельная, доброжелательная атмосфера, которая позволяла легко справляться с трудностями и приводила к неизменному успеху.

Лидия Алексеевна нашла в себе силы стойко перенести невосполнимую потерю — безвременную смерть Сергея Владимировича, продолжала до последних дней плодотворно трудиться.

Всегда окруженная друзьями, молодежью, Лидия Алексеевна всех одаряла своей огромной душевной щедростью, примером своим учила самообладанию, мужеству, скромности, доброте.

М. А. Дзедет, И. П. Терехова, И. К. Лисицына

І. Каменный век

А. П. Окладников

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЙШИХ СЛЕДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА НА ОЗЕРЕ БАЙКАЛ: «КВАРЦЕВЫЙ ПАЛЕОЛИТ»

Археологические памятники оз. Байкал, следы деятельности древнего человека на его берегах, в том числе на живописном о. Ольхон, издавна привлекали внимание исследователей прошлого Сибири. Еще в XVIII столетии до автора первой капитальной «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера дошли легендарные сведения о древнем котле, будто бы принадлежавшем самому Чингис-хану и находящемся на о. Ольхоне. «У кочующих около Байкала бурят он выводывал про местонахождение легендарного Чингис-ханова «тагана», — пишет С. В. Бахрушин¹. Сам Г. Ф. Миллер сообщает о своих поисках: «По рассказам монголов, Чингис-хан имел свое главное местопребывание при реках Ононе, впадающей в Шилку, и Куринлуме (Керулуне. — А. О.), впадающем в озеро Далай. Они же рассказывают, что Чингис-хан иногда доходил со своим кочевьем до озера Байкал. Доказательством этого должен будто бы служить таган, поставленный им на горе на острове Ольхоне, который находится на указанном выше озере, и на тагане большой котел, в котором лежит лошадиная голова. Хотя я и не получил подтверждения этому от бурят, живущих в окрестностях озера Байкала и на острове Ольхоне, я все же считаю приведенное известие о владениях Чингис-хана весьма вероятным, так как первые завоеванные Чингис-ханом земли — Китай и Тангут — лежат поблизости»².

В XIX столетии наиболее важные наблюдения над археологическими памятниками в районе оз. Байкал были осуществлены Н. Н. Агапитовым, который впервые описал замечательные наскальные изображения в бухтах Саган-Заба около пади Крестовой и Ая — при впадении р. Анги в Байкал, а также другие древности³.

Существеннейшим вкладом в археологию Сибири явились затем раскопки Б. Э. Петри в бухте Улан-Хада вблизи Малого моря, которые дали строго документированный обширный материал по неолитическим поселениям Прибайкалья. Этим же исследователем отмечены были наскальные изображения на р. Анге, вблизи Байкала. В 1925 г. вышла в свет сводка П. П. Хороших по археологии каменного и железного века Иркутской губернии, где собраны многочисленные указания на археологические остатки в районе Байкала, в том числе на о. Ольхон⁴.

Важным событием в изучении археологии Байкала явились работы Байкальской археологической экспедиции Института археологии

¹ Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. — В кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, ч. I. М. — Л., 1937, с. 27.

² Миллер Г. Ф. История Сибири, ч. I, с. 170.

³ Агапитов Н. Н. Прибайкальские древности. — «Известия ВСОРГО», Иркутск, 1881, № 4-5, вып. XII.

⁴ Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края. Иркутск, 1924.

АН СССР под руководством М. П. Грязнова, созданной в связи с повышением уровня Байкала.

Однако до сих пор археология Байкала в литературе мало освещена. Не освещен надлежащим образом и начальный вопрос байкальской археологии — первоначальное освоение человеком этого грандиозного озера — внутреннего моря Азиатского материка. Этот вопрос впервые в нашей литературе был поставлен одним из участников экспедиции М. П. Грязнова Л. П. Хлобыстиным, который обнаружил вблизи пос. Байкальского, на мысе Лударь, каменные изделия, датируемые им временем позднего палеолита или мезолита. Но материал, обнаруженный Хлобыстиным, немногочислен⁵.

В этой связи представляют значительный интерес новые находки, обнаруженные на Байкале за последние годы (1970—1972) археологической экспедицией Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.

Первое такое местонахождение обнаружено в 6 км к северо-востоку от Ольхонского района, в с. Еланцы, по левую сторону р. Анги, непосредственно за мостом, по которому проходит дорога из Еланцов в Хужир.

Высокий коренной берег р. Анги расчленен здесь серией глубоких и узких распадков. Один из таких распадков носит название Ангаси-Елга. В нем нами обнаружен древний могильник, расположенный на террасовидном уступе высотой около 6 м над уровнем тальвега распадка, а по отношению к руслу р. Анги не менее 25 м. При обследовании террасовидного уступа на нем собрано значительное количество обработанных человеком кусков кварца, в том числе нуклеидных, а также грубых отщепов. Следы искусственной обработки в виде фасеток от намеренных сколов на кусках кварца выражены вполне отчетливо (рис. 1—3). В целом общее впечатление от этих находок было таково, что перед нами остатки своеобразной мастерской, где производилась лишь первичная обработка такого грубого материала, каким является жильный кварц.

Второе местонахождение такого же рода, с более обильными находками, было выявлено при обследовании вершины пади Малый Орсо, где в свое время П. П. Хороших нашел наскальные рисунки⁶.

В этом месте, на самой вершине пади, над выходами мраморовидного известняка имеется широкий, слегка наклонный к Байкалу террасовидный уступ. Высота уступа над уровнем Байкала значительная, не менее 100 м. К площадке его сходятся вершинами два распадка, пади Большая и Малая Орсо. Отсюда открывается широкий вид на побережье Байкала и на озеро, а в ясную погоду проглядываются голубые дали противоположного, южного берега, окаймленного зубчатой стеной гор.

Над террасовидным уступом высится отвесная стена, сложенная мощным пластом жильного кварца. Отдельные глыбы кварца, вероятно, обрушившиеся вследствие землетрясений, лежат на поверхности террасовидного уступа.

При осмотре террасы на ней собраны такие же, как в пади Ангаси-Елга, многочисленные образцы обработанного человеком кварца. Судя по общему характеру находок, здесь была своего рода мастерская, подобная тем, какие встречаются около выходов ценного поделочного камня, служившего для изготовления каменных орудий. Люди подбирали подходящие куски камня и «вчерне» обрабатывали их в виде «полуфабри-

⁵ Хлобыстин Л. П. Древнейшие памятники Байкала. — «МИА», 1965, № 413. Палеолит и неолит СССР, т. 5. Дискуссия по проблеме мезолита или эппалеолита на Байкале в связи с находками Л. П. Хлобыстина; Свинин В. В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963—1965 гг. — В кн.: Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 годы. Иркутск, 1966, с. 50—69.

⁶ Хороших П. П. Указ. соч. (Рисунки тогда еще не были изданы).

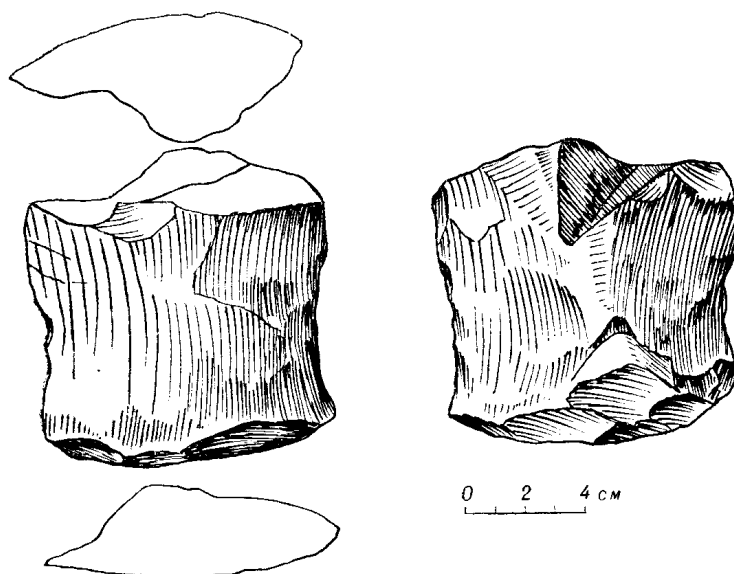

Рис. 1.

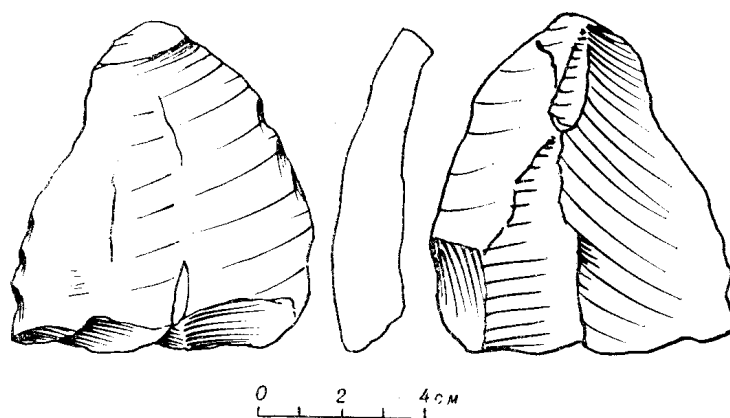

Рис. 2.

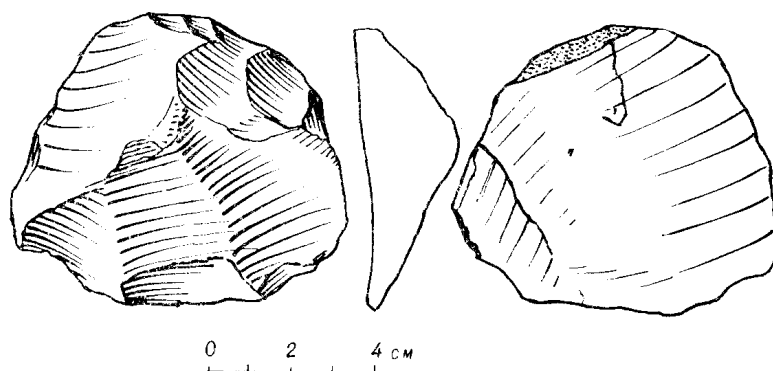

Рис. 3.

катов». Полностью готовые изделия на таких мастерских, — естественно, вещь редкая. Археологи встречают здесь, как правило, лишь отбросы производства — отщепы, пластины, грубые нуклеусы-болванки.

Подобные мастерские широко представлены, например, в Средней Азии (Капчигай, Уч-Тут), а также в Монголии (в предгорьях Гоби-Алтая) и за Байкалом (Титовская сопка в г. Чите, а также одно из самых крупных по массе находок местонахождение вблизи Боргойского совхоза на горе Сэльгир, или Сэльби).

Материалом для работы древних мастеров служили куски более или менее крупных глыб кварца. Куски эти подбирались здесь же, на поверхности скалы и у самого подножия кварцевого обнажения, а затем обрабатывались. Существенная черта фактуры этих кусков кварца в ряде случаев — характерная сглаженность их первоначальной поверхности, жирный блеск и своеобразная волнистость и изъязвленность мельчайшими углублениями в результате воздействия ветра и песка. В основном это — масса расщепленных кусков и обломков кварца со следами беспорядочно нанесенных сколов.

В большинстве случаев из-за зернистости исходного материала не всегда прослеживаются такие характерные признаки искусственной обработки, как ударные бугорки или волнистость, обычные на камне иной структуры, например на кремнистых породах. Однако и на этих обломках кварца ясно видно, что они расщеплены намеренно, человеческой рукой. Об этом свидетельствуют раковистая поверхность раскалываемого куска кварца, а в ряде случаев четко заметные фасетки — «негативы» сколов. Встречаются в небольшом количестве и хорошо оформленные изделия определенных типов, позволяющие сделать вывод о их типологии и культурной принадлежности. Таковы прежде всего нуклеусы. Помимо обычных для этого местонахождения бесформенных массивных кусков кварца со следами искусственных сколов здесь найдены и четко выраженные нуклеусы.

Первый такой нуклеус принадлежит к категории двусторонне-дисковидных. Он крупный по размеру: его диаметр 14,5, толщина 9 см. Обе поверхности нуклеуса имеют фасетки широких и довольно крутых сколов, направленных радиально — от краев к центру. Края нуклеуса — его отбивная площадка — обработаны четко выраженными сколами по всему периметру. Местами заметны следы дополнительной подправки краев нуклеуса мелкими сколами (рис. 4).

Второй нуклеус почти в два раза меньше по размеру и тоже принадлежит к категории двусторонне-дисковидных, т. е. таких, с которых отщепы и пластины снимались с двух сторон изделия. Его диаметр 9, толщина 5,5 см (рис. 5). Обе стороны нуклеуса одинаково выпуклые и оформлены одинаковым образом: широкими крутыми сколами, направленными от краев к центру, так же как на первом нуклеусе. По правильной своей форме и технике снятия отщепов это классический двусторонне-дисковидный нуклеус. И в этом смысле он даже более выразителен, чем первый. Его можно поэтому смело сравнивать с характерными дисковидными нуклеусами мустьерского типа.

Есть также нуклевидные изделия особого рода, по форме и технике близкие к леваллуазским. Так, три куска кварца могут быть отнесены к числу примитивных нуклеусов леваллуазского в широком смысле типа. Они треугольных очертаний, массивные. На широком конце их имеются скошенные по отношению к длинной оси площадки, образованные одним или несколькими ударами. Но их можно также назвать и чоппингами, поскольку обработка краев широкими сколами производилась с двух противоположных краев таким образом, что получалось широкое лезвие (рис. 6).

Четвертый предмет такого рода отличается от других своим материалом: он изготовлен не из полупрозрачного кварца, а из более темной